

Н. В. Володина

РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ в ТВОРЧЕСТВЕ ТУРГЕНЕВА

Одна из устойчивых характеристик личности И. С. Тургенева — представление о нем как о последовательном западнике, совпадающее с его собственной самооценкой: «Я бросился вниз головою в „немецкое море“, долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я наконец вынырнул из его волн — я все-таки очутился „западником“, и остался им навсегда».¹

Более универсальной категорией, объясняющей эту особенность мировосприятия писателя, является определение «европеец» — в широком смысле этого слова, — когда оно обозначает не конкретное географическое пространство, место жительства человека, но определенный образ мысли, духовный компонент личности, тип поведения. В. К. Кантор пишет о том, что русский европеец в чем-то «противоположен русскому западнику, обольщавшемуся мечтой о Европе, а потому и быстро впадавшему в уныние от реальных противоречий Западной Европы».² Очевидно, это объясняется, прежде всего, позицией «внеаходимости» (если иметь в виду точку зрения) западника по отношению к Европе. Европеец же чувствует себя внутри пространства европейской культуры, осознает, как писал И. В. Киреевский в свой «западнический» период, «участие в общей жизни просвещенного мира»,³ не утрачивая при этом собственной национальной идентичности. Отсюда — понятие русского европейца, которое приобрело в отечественной культуре и литературе значение одного из базовых национальных концептов. Тургенев пользуется им наряду с понятием «западник». Так, в письме к А. И. Герцену он замечает: «Я все-таки европеус — и люблю знамя, верую в знамя, под которое я стал с молодости».⁴ Евро-

¹ ПССИП(2). Соч. Т. 11. С. 8.

² Кантор В. Русский европеец как явление культуры. М., 2001. С. 7.

³ Киреевский И. В. Деятнадцатый век // Киреевский И. В. Избранные статьи / Составление, вступит. ст. и коммент. В. А. Котельникова. М., 1984. С. 76.

⁴ ПССИП(2). Письма. Т. 5. С. 131.

пеизм для Тургенева, как следует из контекста художественного творчества писателя, автобиографических, публицистических материалов, — это, прежде всего, признание гражданских, социальных прав человека, ценности его внутренней свободы; уважение к закону; образованность и умение трудиться.

Очевидно, подобная система взглядов начала формироваться в сознании Тургенева уже в период его первого знакомства с Западной Европой. Сам мотив его поездки туда — в Германию — был достаточно традиционен: многие русские юноши из дворянских семей продолжали учебу в немецких университетах. Одновременно с Тургеневым в Берлинском университете слушали лекции Н. В. Станкевич, Т. Н. Грановский, М. А. Бакунин. Однако его отъезд за границу имел и другие хорошо известные причины: неприятие той провинциальной помещичьей среды, тех пороков русской общественной жизни, которые были наиболее очевидны именно здесь, — прежде всего, крепостного права, с его губительными социальными, нравственными и психологическими последствиями для сознания нации, атмосферы русской жизни в целом. В своих воспоминаниях Тургенев объясняет это следующим образом: «Надо было либо покориться и смиренно побрести общей колеей, по избитой дороге; либо отвернуться разом, оттолкнуть от себя „всех и вся“, даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я так и сделал...».⁵

Европа, особенно при взгляде на нее со стороны, являла пример иного общественного устройства и отношения к человеку. Тургенев не раз рисует ситуацию, когда поездка на Запад, общение с людьми, находящимися в другой социокультурной среде, формируют у русского человека взгляд на себя со стороны. В «Вешних водах» писатель изображает характерную реакцию европейцев на существование в России крепостного права. Главный герой повести, Санин, собираясь жениться и планируя свое будущее, принимает решение продать имение. Когда он обсуждает это с семьей невесты — итальянцами, живущими в Германии, мать Джеммы неожиданно спрашивает: «Вы говорите: продать имение. Но как же вы это сделаете? Вы, стало быть, и крестьян тоже продадите?».⁶ «Barbari! — проворчал Панталеоне, который, вслед за Эмилом, показался было у дверей, тряхнул тупеем и скрылся».⁷ Определение «варвары», разумеется, не имело для писателя национальной «закрепленности». Так, в одном из писем Тургенева периода франко-прусской войны оно появляется в связи с характеристикой имперского режима во Франции: «...я всей душой на стороне немцев. Это поистине война цивилизации с варварством <...>. С бонапартизмом *должно* быть покончено, чего бы это ни стоило, если обществен-

⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 11. С. 8.

⁶ Там же. Т. 8. С. 331.

⁷ Там же.

ная нравственность, свобода и самостоятельность Европы вообще намерены иметь будущее».⁸

Очевидно, можно быть европейцем, не выезжая из России, и оставаться «варваром», живя во Франции, Англии или Германии. В произведениях Тургенева появляются подобные (эпизодические) персонажи — носители мещанской психологии, меркантилизма, филистерства. Тем не менее, даже не идеализируя характер общественной жизни на Западе, можно убедиться в реальном влиянии на нее идей французских энциклопедистов, «Общественного договора», «Декларации прав человека и гражданина» и других основополагающих текстов европейской культуры. «Не отсутствие народных симпатий в душе и не надменное пренебрежение к строю русской жизни сделали Европу необходимостью для его существования, — писал П. В. Анненков в своих воспоминаниях о Тургеневе, — а то, что здесь обильнее текла умственная жизнь, поглощающая пустые стремления, что в Европе он чувствовал себя более простым, дельным, верным самому себе и более свободным от вздорных искушений, чем когда становился лицом к лицу с русской действительностью».⁹

Уже первый опыт непосредственного знакомства с Западной Европой, в сочетании с общекультурными представлениями о ней, оказался чрезвычайно полезен для писателя. Вернувшись из Германии и поступив на службу в Министерство внутренних дел (1842), Тургенев в качестве «вступительной» работы, предлагаемой молодым людям, письменно излагает «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине». Едва ли не главным пафосом этого сочинения является идея «законности и положительности в отношении» помещика и крестьянина, «законности в самой собственности».¹⁰ Взаимоотношения помещиков и крестьян Тургенев считал основным вопросом русской общественной жизни. Однако эти отношения «почти ничем не определены и большей частью зависят от прихоти владельцев»,¹¹ — утверждает автор «Нескольких замечаний...». Само «чувство гражданственности, законности» развито в крестьянах «весьма слабо».¹²

Сопоставляя положение земледельческого класса в России и в европейских странах, Тургенев говорит об очевидных преимуществах его на Западе. Именно поэтому он считает необходимым изучение быта, общественного в Германии — «стране учености, совестливого трудолюбия и истинно изумительной способности проникать во все тайны человеческого духа»,¹³ а также во Франции и в Англии. Итог его рассуждений выглядит следующим образом: «Мы народ не только европей-

⁸ Там же. *Письма*. Т. 10. С. 331–332. Подлинник по-нем.

⁹ Анненков П. В. Замечательное десятилетие. 1838–1848 // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 316.

¹⁰ ПССиП(2). Соч. Т. 1. С. 423.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 425.

¹³ Там же. С. 429.

ский; мы недаром поставлены посредниками между Востоком и Западом; недаром наши границы касаются древней Европы, Китая и Северной Америки, трех самых различных выражений общества. С другой стороны, сохрани нас бог впасть в слепое поклонение всему русскому потому только, что оно русское; сохрани нас бог от ограниченных и, скажу прямо, неблагодарных нападков на Запад, особенно на Германию, — тем более неблагодарных, что часто из Германии (хотя мои слова могут показаться странными) возвращаешься с большей верой в силу и будущность наших учреждений... Вернейший признак силы — знать свои недостатки, свои слабости <...>».¹⁴ Эта зрелая позиция достаточно еще молодого человека в дальнейшем будет лишь укрепляться. Ощущение постоянной связи со своей страной, отчетливое осознание собственной национальной принадлежности органично соединится в Тургеневе с толерантным, искренне заинтересованным и сочувственным отношением к другой культуре и ментальности.

Главным героям Тургенева, как правило, в той или иной мере свойственен европеизм. Прежде всего, он отличает людей, которые получили университетское образование в России — преимущественно гуманитарное, историческое, философское — и продолжили учебу в Европе, в основном, в Германии. Наиболее характерная фигура в этом плане — герой первого романа Тургенева Дмитрий Рудин. Выпускник Московского университета, он позднее «провел год в Гейдельберге и около года в Берлине».¹⁵ Рудин почти не рассказывает об этом периоде своей жизни, но его значение для героя очевидно. Саму атмосферу Берлинского университета можно представить по очерку Тургенева «Письма из Берлина», где он делится впечатлениями студенческой жизни: «В сороковом году с волнением ожидали Шеллинга, шикали с ожесточением на первой лекции Шталя, воодушевлялись при одном имени Вердера, воспламенялись от Беттины, с благоговением слушали Стеффенса <...>».¹⁶ Очевидно, нечто подобное пережил и Рудин, тем более что и в России, еще до поездки в Европу, он был увлечен, как и многие молодые люди 1830-х — 1840-х годов, немецкой философией.

Вернувшись из Германии, Рудин «был весь погружен в германскую поэзию, в германский романтический и философский мир».¹⁷ Европейские впечатления Рудина, скорее всего, не ограничивались университетом. Он приехал на Запад, пройдя через уникальный опыт духовно-интеллектуального общения в московском студенческом кружке, где до утра могли говорить «о боге, о правде, о будущем человечества, о поэзии»¹⁸ и где формировался тот тип личности, который был predisposed к восприятию гуманистической идеологии. Гуманистическое миропонимание — основа личности и поведения Рудина. Он горя-

¹⁴ Там же. С. 430.

¹⁵ Там же. Т. 5. С. 229.

¹⁶ Там же. Т. 1. С. 291.

¹⁷ Там же. Т. 5. С. 249.

¹⁸ Там же. С. 257.

чо защищает необходимость «знания, науки и веры в нее», ибо наука — убежден Рудин — дает людям «веру в самих себя, в свои силы»;¹⁹ говорит о «позоре малодушия и лени, о необходимости делать дело»,²⁰ наконец, — о «достоинстве человека, о значении истинной свободы».²¹

Это не только «слова» (в чем уверен Лежнев), но и искренние убеждения, определяющие доминанту поведения Рудина и его отношения с людьми. Он хорошо образован, и его действительно увлекает научная, интеллектуальная деятельность, хотя статьи Рудина, как и небольшой опыт преподавания, скорее всего, носят дилетантский характер. Он остается, по сути, свободным человеком, выбирающим, где ему жить и чем заниматься.

Примеры непоследовательности конкретных его поступков очевидны, ибо именно их коснулась авторская ирония, но основа личности Рудина носит достаточно цельный характер. Как пишет В. М. Маркович, «Рудин, свободный от своих недостатков, не имел бы своих достоинств <...>».²² Наиболее уязвимым — для самого Рудина — является его тезис о «необходимости делать дело», ибо русские европейцы, признавая, в числе других западных ценностей, труд (в русском варианте чаще он обозначается как «дело»), предъявляли к нему особые требования. «Дело», о котором мечтали русские юноши, должно было быть общественно значимым и иметь не столько практическую, сколько духовную пользу, отвечая при этом внутренним запросам человека.

Рассказывая Лежневу о бесконечных попытках найти достойное применение своим силам и способностям, Рудин в качестве последней возможности, которую он использовал, называет решение «сделаться» «деловым человеком, практическим». Причем он предваряет эти слова попутным замечанием: «не смейся, пожалуйста».²³ Практический человек в его глазах — это «сниженная» форма деятельности, лишенная высокого смысла. И хотя подобное представление о труде является доминирующим для героев русской литературы этого и предшествующего периодов, в творчестве Тургенева позднее появятся персонажи, понимающие деятельность, условно говоря, в западном ее варианте.

В европеизме Рудина, безусловно, есть внутренняя ограниченность. «Подлинный европеизм, — пишет В. Кантор, — произрастает из своей культуры — но в процессе преодоления и переосмысления, одухотворения и пресуществления ее почвенных основ».²⁴ Однако, как замечает Тургенев устами Лежнева, Рудин «России не знает, и это точно боль-

¹⁹ Там же. С. 224.

²⁰ Там же. С. 242.

²¹ Там же. С. 292.

²² Маркович В. М. Человек в романах И. С. Тургенева // Маркович В. М. Избранные работы. СПб., 2008. С. 125.

²³ ПССУП(2). Соч. Т. 5. С. 314.

²⁴ Кантор В. Русский европеец как явление культуры. С. 6.

шое несчастье».²⁵ Действительно, Рудин словно «выключен» из ее жизни. Не случайно тема крепостного рабства — как главного проявления ограничения прав личности в его собственной стране — даже косвенно не возникает в его разговорах. Во время последней встречи с Лежневым, мучительно пытаясь отыскать ответ на вопрос, почему он так и не нашел своего места в жизни, Рудин, со свойственным ему аналитическим взглядом на вещи, приводит следующее объяснение: «Строить я никогда ничего не умел; да и мудрено, брат, строить, когда и почвы-то под ногами нету <...>».²⁶ В этом, может быть, и состоит один из главных источников его трагической судьбы. О финале романа писали много, в том числе о символике этого финала — героической гибели Рудина как романтического героя. Возможно, здесь есть еще один символический план: Рудин погибает в Европе, на парижской баррикаде, во время июльской революции 1848 (выразительная деталь — его принимают за поляка). Таким образом, дорогие для него идеи свободы он защищает, ценой собственной жизни, именно на Западе и тем самым становится непосредственным участником европейской истории.

Знакомство с Европой, считал Тургенев, чрезвычайно полезно для русского человека. «...Никто из нас, — писал он, — не может сказать, каким образом и под каким видом западают в него и когда созревают в нем семена правды, добра, образованности. „Для этого нет необходимости покидать свою родину“, — возразят мне. Согласен: семена эти носят в каждом воздухе; но путешествие в чужой стране то же, что знакомство с чужим языком; это — обогащение внутреннего человека, а нашему брату не для чего прикидываться, что ему своего за глаза довольно. <...> Чужеземное влияние сбивает только того с дороги, кто и без того никуда не шел».²⁷

Стремление продолжить свое образование в Европе характерно для многих тургеневских героев, хотя автор и не дает развернутого описания этого периода их жизни на Западе. Федор Павлович Лаврецкий («Дворянское гнездо»), приехав в Париж и будучи уже далеко не в студенческом возрасте, отправляется в Сорбонну слушать лекции. Андрей Петрович Берсенева, один из героев романа «Накануне», будущий ученый, специалист в области истории и философии, уже после окончания Московского университета, как сообщает в эпилоге повествователь, обучается в Гейдельберге, Берлине и Париже. Характерно, что две его статьи, на которые обратила внимание «ученая публика», называются «О некоторых особенностях древнегерманского права в деле судебных наказаний» и «О значении городского начала в вопросе цивилизации».²⁸ Таким образом, именно западные ценности он стремится разъяснять образованному русскому читателю.

²⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 305.

²⁶ Там же. С. 312.

²⁷ Тургенев И. С. Из-за границы. Письмо первое // Там же. Т. 10. С. 306.

²⁸ Там же. Т. 6. С. 299.

Для человека искусства, начинающего скульптора Павла Яковлевича Шубина, истинной Меккой является Италия, куда стремились все русские художники. Из эпилога романа становится известно, что Шубин осуществил свою мечту: живет в Риме; «весь предался своему искусству и считается одним из самых замечательных и многообещающих молодых ваятелей». ²⁹ Тургенев, благодаря личному опыту, понимал, как важно, особенно человеку искусства, непосредственное общение с теми культурными ценностями, которые были созданы в Западной Европе. Рассказывая в письме к Т. Н. Грановскому о впечатлениях от поездки в Италию, он пишет: «Со мной случилось то же, что с бедным человеком, получившим огромное наследство: трудно и запутанно. Целый мир, мне не знакомый, мир художества — хлынул мне в душу <...> я начинал находить наслажденья в художестве, до тех пор мне неизвестные». ³⁰

Поездка в Европу помогает героям двух последних романов Тургенева в освоении другого рода деятельности. Григорий Михайлович Литвинов (роман «Дым») в течение четырех лет «добросовестно» изучает в Европе (в Германии, Бельгии, Англии) организацию сельского хозяйства, «агрономию и технологию», ³¹ чтобы затем использовать этот опыт уже в России. Ему оказывается интересно именно практическое дело, в отличие от традиционно приоритетных для русской интеллигенции занятий наукой и искусством. В то же время он отнюдь не дистанцируется от общественной жизни, общественной ситуации в стране. События романа приурочены к 1862 году, и отзвук того, что недавно произошло и происходит в России: крестьянская реформа, волнения в Польше, петербургские пожары, косвенное упоминание о романе Чернышевского «Что делать?» (Чернышевский был арестован в июле 1862 года, а события романа происходят в августе) и пр., — постоянно присутствует на страницах произведения.

Правда, в ответ на вопрос Губарева, каких он придерживается мнений, Литвинов отвечает: «Собственно у меня нет никаких политических убеждений». ³² Тем не менее писатель отдельными деталями (реакция Литвинова, хотя и крайне сдержанная, на позицию русской «военной аристократии», готовой отменить даже 19 февраля, его реплики в разговорах с Потугиним) дает возможность понять, что Литвинов — человек либеральных взглядов. Муж Ирины, генерал Ратмиров, заявляет даже, что «этот барин смотрит карбонарием». ³³

К этому же — новому для Тургенева — типу героя принадлежит Василий Федотович Соломин (роман «Новь»). Соломин, обучаясь механике и управлению заводом в Англии, затем успешно применяет свои знания в России, на фабрике купца Фалеева, которая при нем «была

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. *Письма*. Т. 1. С. 154.

³¹ Там же. *Соч.* Т. 7. С. 254.

³² Там же. С. 264.

³³ Там же. С. 340.

в полном расцветании и завалена работой».³⁴ Правда, как замечает автор, «не только щегольства или аккуратности, даже опрятности не было заметно нигде и ни в чем; напротив — всюду поражала небрежность, грязь, копоть <...>. Русская фабрика — как есть; не немецкая и не французская мануфактура».³⁵ Скорее всего, Соломин иначе организует ее жизнь уже на собственном заводе в Перми. Будучи еще управляющим, он стремится сделать более цивилизованной и благополучной жизнь рабочих: строит при фабрике школу и больницу. Г. П. Федотов видел в подобного рода деятельности специфическую особенность русских европейцев: «Почти всегда они уходили от политики, чтобы сохранить свои силы для единственно возможного дела».³⁶ Польский же литературовед Б. Оляшек считает, что появление подобных персонажей в позднем творчестве Тургенева позволяет рассматривать их как «русскую модель» позитивизма.³⁷

В то же время Соломин, как и Литвинов, по-своему «включен» в русскую общественную жизнь. Он сочувствует народникам — общему пафосу их деятельности, — даже помогает им, хотя сама идеология народничества оказывается ему чуждой: у Соломина иное представление о способах помощи народу и участия в его судьбе. Подчеркивая подлинную близость Соломина народной и национальной жизни, Тургенев отмечает его способность видеть эту жизнь со стороны, сопоставляя «свое» и «чужое». Характерно замечание героя: «В нашем... звании надо быть твердым. Англичане говорят: „Never say die“ <«Никогда не говори: все кончено»>. — *англ.* Хорошая поговорка. Лучше русской: „Пришла беда, растворяй ворота!“».³⁸ Частный пример лишний раз подтверждает понимание Соломиным глубинных основ национальной культуры.

Само внимание, интерес Тургенева к типу человека, который занят «практическим делом», не страдает от ощущения собственной ненужности и нереализованности своих сил, не «загублен» рефлексией и вместе с тем наделен всей полнотой чувств, развитым сознанием, определенными убеждениями, — скорее, исключение из общего правила, чем закономерность. Современный исследователь пишет: «Русская литература совершенно очевидно недолюбливает обыкновенного человека, занятого обыкновенным, мирным созидательным делом (не говоря уже о том, что так называемый „деловой“ человек <...> чаще всего получает аттестацию подлеца), предпочитая гамлетов и донкихотов, скитальцев и страдальцев, униженных и оскорбленных — иными словами,

³⁴ Там же. Т. 9. С. 222.

³⁵ Там же. С. 223.

³⁶ *Федотов Г. П.* Письма о русской культуре // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. СПб., 1992. Т. 2. С. 179.

³⁷ *Оляшек Барбара.* Русский позитивизм. Идеи в зеркале литературы. Лодзь, 2005. С. 86.

³⁸ *ПССиП(2). Соч.* Т. 9. С. 332.

или аристократов духа, героев-максималистов и изгоев, или маленького, угнетенного, несчастного человека. Располагающийся между этими крайностями „средний“ человек, даже обладающий неоспоримыми достоинствами, так или иначе дискредитируется». ³⁹

Конечно, Берсенов, Шубин, Лаврецкий, Литвинов, Соломин — это разные типы персонажей, и потому их «европеизм» имеет не только содержательное, но и «функциональное» отличие. Как правило, он обозначен лишь пунктирно, в соответствии с одной из особенностей поэтики Тургенева — намеренным умолчанием автора о каких-то конкретных мотивах поведения человека, сторонах личности или эпизодах судьбы персонажа. В любом случае герои Тургенева, получившие опыт европейской жизни, не проходят через разочарование Западом, — может быть, не менее характерное для русской интеллигенции, чем «увлечение» им. При этом они отнюдь не становятся космополитами, понимая самобытность и уникальность собственной национальной культуры, и связи с Россией оказываются для них, благодаря приобретению «европейского опыта», даже более прочными. Такова была и позиция самого автора. «...Я никогда не признавал, — пишет Тургенев, — той неприступной черты, которую иные заботливые и даже рьяные, но малосведущие патриоты непременно хотят провести между Россией и Западной Европой, той Европой, с которою порода, язык, вера так тесно ее связывают. Не составляет ли наша, славянская раса — в глазах филолога, этнографа — одной из главных ветвей индо-германского племени? <...> Неужели же мы так мало самобытны, так слабы, что должны бояться всякого постороннего влияния и с детским ужасом отмахиваться от него, как бы он нас не испортил? Я этого не полагаю: я полагаю, напротив, что нас хоть в семи водах мой, — нашей, русской сути из нас не вывести. Да и что бы мы были, в противном случае, за плохонький народец!» ⁴⁰

Приобщение к ценностям европейской культуры — прежде всего, через знание литературы, искусства, науки, как следует из контекста творчества Тургенева, может быть свойственно и героям, которые не выезжали из России. Они знакомы как с европейской литературой и искусством, так и с наукой, причем, не только знаменитой немецкой философией, но также с точными и естественными науками, влияние которых оказывается особенно сильным в 1860-е годы. Не случайно Евгений Базаров («Отцы и дети») признает, что «немцы в этом наши учителя». ⁴¹

В такой ситуации особенно важной оказывается роль чтения: домашней библиотеки (ее описание часто возникает в произведениях Тургенева); книг, которые обсуждают в дружеском или студенческом

³⁹ *Ребель Г. М.* Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского (Типологические явления русской литературы XIX века). Пермь, 2007. С. 110.

⁴⁰ *Тургенев И. С.* Литературные и житейские воспоминания // *ПССИП(2)*. Соч. Т. 11. С. 9.

⁴¹ Там же. Т. 7. С. 27.

кружке. Среди многочисленных имен европейских писателей, которые упоминает Тургенев в своих произведениях, он выделяет, как справедливо отмечают исследователи, Гёте, Шекспира и Шиллера, показывая, что опыт постижения их творчества — непереносимое условие формирования мыслящего человека. В то же время Тургенев убежден в том, что отношение к ним в России будет иным, чем в западном мире — в силу особого мировосприятия русских. Характерно в этом плане суждение писателя о знаменитой трагедии Гёте: «Мы не будем бессмысленно преклоняться пред „Фаустом“, потому что мы русские; но поймем и оценим великое творение Гёте, потому что мы европейцы...».⁴²

Действие повести «Фауст» происходит в далекой от столицы русской провинции, тем не менее «тургеневская усадьба, — согласимся с выводом В. Щукина, — предстает как носительница европейского, цивилизованного начала в русской культуре XVIII–XIX вв.».⁴³ В этом убеждают и работы исследователей, посвященные описанию родовой библиотеки самого Тургенева, где, например, эпоха европейского XVIII века представлена семью изданиями Вольтера на русском и французском языках (всего 57 томов), собранием сочинений Руссо и других знаменитых европейских писателей.⁴⁴

Для героев повести «Фауст» трагедия Гёте, ее совместное чтение, разговоры о ней становятся не только своего рода катализатором их чувств и отношений, но и импульсом для самопознания. «Мефистофель ее пугает не как чёрт, — говорит главный герой о Вере Николаевне, — а „как что-то такое, что в каждом человеке может быть“... Я начал было толковать ей, что это „что-то“ мы называем рефлексией; но она не поняла слова рефлексия в немецком смысле <...>».⁴⁵ Очевидно, рефлексия, наряду с другими свойствами сознания мыслящей личности столь симптоматичная для мировосприятия русской интеллигенции, роднит ее с подобным типом личности западного человека, делает характерной фигурой определенного времени и культуры.

С другой стороны, пребывание в Европе, куда отправляются многие герои произведений Тургенева, совсем необязательно делает их европейцами. Большинство из них — путешественники, для которых заграничная поездка — средство развлечения, отдыха, либо самоутверждения. Европа, с ее культурой, ее ценностями, обычаями и нравами людей, остается для них внутренне чужой. Делясь своими впечатлениями о путешествии по Европе, Тургенев в статье «Из-за границы» говорит о «поразившем» его явлении, которому он дает название «за-

⁴² Тургенев И. С. Фауст, траг. Соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко... // ПССиП(2). Соч. Т. 1. С. 220.

⁴³ Щукин В. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М., 2007. С. 279.

⁴⁴ См. об этом: Балькова Л. Тургенев — читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел, 2005; Богданов Б. В. Библиотека в Спасском-Лутовинове // Тургеневский сборник. М., 2004. Вып. 2. С. 87–90.

⁴⁵ ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 112.

граничной скуки русских)». ⁴⁶ Объясняя причины этого феномена, Тургенев приходит к заключению, что многие русские за границей не пытаются понять народ, «среди которого странствуют». ⁴⁷ Что же касается знаменитых памятников культуры, то «многие из наших туристов», считает он, — «слишком мало подготовлены по этой части», а «без уразумения нет и полного наслажденья». ⁴⁸

Для поведения многих русских за границей характерна та внутренняя мотивировка поездки, которая возникает у героя повести «Ася»: «Я путешествовал без всякой цели, без плана <...>. Меня занимали исключительно одни люди; я ненавидел любопытные памятники, замечательные собрания, один вид лон-лакея возбуждал во мне ощущение тоски и злобы; я чуть с ума не сошел в дрезденском „Грюне Гевёлбе“». ⁴⁹ Подобная «бесцельность» путешествия по Европе свойственна также персонажам «Переписки», Дмитрию Санину из повести «Вешние воды», Борису Вязовнину («Два приятеля») и ряду других. Так, герой (повествователь) повести «Переписка» объясняет свое случайное знакомство в Германии с Алексеем Петровичем С. (письма которого он позднее публикует) тем, что ему «Дрезден начинал <...> надоедать» ⁵⁰ и от скуки он стал общаться со своим соседом по гостинице. Дмитрий Санин едет в Италию, решив перед поступлением на службу прожить за границей те несколько тысяч рублей, которые ему достались после смерти дальнего родственника. Сделав на обратном пути остановку в Германии, во Франкфурте, он посмотрел местные достопримечательности и «поскучал, как следует добропорядочному путешественнику», ⁵¹ — иронически замечает повествователь.

В то же время это достаточно образованные люди, знакомые с европейской культурой. В. М. Маркович рассматривает героя «Аси» как образ русского европейца, архетип которого можно увидеть в «Записках русского путешественника» Н. М. Карамзина. «Русский человек, вбравший в себя европейскую культуру, — отмечает исследователь, — не выглядел в „Письмах“ усердным, целеустремленным и зрелым тружеником. Напротив, герой Карамзина прежде всего молод и беспечен — такова необходимая писателю „литературная поза“». ⁵²

Вместе с тем этот архетип, сохраняя свое значение для русской литературы, утрачивает права доминирующего образа, начинает варьироваться, усложняться, становится все более исторически и социально детерминированным. В самих реальных поездках русской интеллигенции в Западную Европу, знакомстве с нею появляются все более

⁴⁶ Там же. Т. 10. С. 303–304.

⁴⁷ Там же. С. 304.

⁴⁸ Там же. С. 304–305.

⁴⁹ Там же. Т. 5. С. 149.

⁵⁰ Там же. С. 18.

⁵¹ Там же. Т. 8. С. 257.

⁵² Маркович В. М. «Русский европеец» в прозе Тургенева 1850-х годов // Маркович В. М. Избранные работы. С. 264.

осознанные мотивировки. Характерно в этом смысле замечание П. В. Анненкова в письмах из-за границы, которые публиковались в «Отечественных записках» (1841–1843) и в «Современнике» (1847–1848): «Для меня, скромного жителя севера, странствующего для назидания своего <...>». ⁵³ Восприятие европейских стран автором писем складывается из нескольких составляющих: природы, облика городов, включая памятники архитектуры, характера общественной жизни, быта. Однако для Анненкова важны не только внешние проявления нового для него мира, но и внутренняя, в том числе духовная культура той или иной страны, открывающаяся ему в музеях, картинных галереях, театрах, университетах, литературе и журналистике, наконец, в религиозной жизни народа. Анненков явно настроен не только на узнавание, но и на понимание другой национальной ментальности и потому, будучи иностранцем, не испытывает почти неизбежного в этой ситуации «культурного шока».

Такого рода реакция на Западную Европу была достаточно характерна для русской интеллигенции, независимо от того, оказывался ли этим «путешественником» столь обеспеченный человек, как Павел Васильевич Анненков, или отправляющийся за границу в качестве домашнего учителя Федор Иванович Буслаев. Изображение Тургеневым русского путешественника, несомненно, соотносится и с опытом общения с подобными людьми, и с его собственными представлениями о русском европейце, заставляя быть — в определенном смысле — требовательным к своим героям.

Особый тип среди персонажей Тургенева представляют люди, как будто активно усваивающие признаки европейской культуры, но фактически лишь подражающие ей. Это отец Федора Павловича Лаврецкого, его жена, «русская парижанка» Варвара Павловна Лаврецкая, Владимир Паншин («Дворянское гнездо»); Павел Петрович Кирсанов («Отцы и дети») и др.

Иван Петрович Лаврецкий получил образование под руководством гувернера-француза, методу преподавания которого, как и его роль в жизни ученика, писатель оценивает откровенно иронично: «Бывший наставник Ивана Петровича, отставной аббат и энциклопедист, удовольствовался тем, что влил целиком в своего воспитанника всю премудрость XVIII века, и он так и ходил наполненный ею; она пребывала в нем, не смешавшись с его кровью, не проникнув в его душу, не сказавшись крепким убеждением...». ⁵⁴ Долгие годы, проведенные Иваном Петровичем за границей, оказались потрачены на развлечения и не изменили его внутреннего облика. Поэтому и женитьба на крепостной оказалась, прежде всего, вызовом отцу, а не искренним, благородным порывом.

⁵³ Анненков П. В. Парижские письма / Изд. подготовила И. Н. Конобеевская. М., 1983. С. 39 (Лит. памятники).

⁵⁴ ПССиП(2). Соч. Т. 6. С. 30–31.

Павел Петрович Кирсанов тоже несколько лет прожил в Европе, куда он отправился вслед за женщиной, в которую был безумно влюблен. Вернувшись в Россию и поселившись в деревне у брата, Павел Петрович в своем внешнем облике, манере поведения стремится быть европейцем: «вообще всю жизнь свою устроил на английский вкус». ⁵⁵ При встрече с племянником он совершает «предварительно европейское „shake hands“», ⁵⁶ а затем три раза по-русски целуется с ним. Читал он «всё больше по-английски», ⁵⁷ в частности, ежедневную либеральную газету «Galignani», издававшуюся в Париже на английском языке. Павел Петрович с уважением говорит об английских аристократах, основную заслугу которых он видит в развитом чувстве собственного достоинства и в способности уважать права другого. Вместе с тем сам он мало способен к этим чувствам, активно не принимая в Базарове чуждый ему образ мыслей и поведение.

Павел Петрович пространно рассуждает о значении просвещения и цивилизации, но автор иронично оценивает образованность героя, как и его «цивилизационные» идеи. «Что касается до меня, — произносит Кирсанов в ответ на реплику Базарова о немецких ученых, — <...> я немцев, грешный человек, не жалею. О русских немцах я уже не упоминаю: известно, что это за птицы. Но и немецкие немцы мне не по нутру. Еще прежние туда-сюда; тогда у них были — ну, там Шиллер, что ли, Гётте... Брат вот им особенно благоприятствует... А теперь пошли всё какие-то химики да материалисты...». ⁵⁸ «Европеизм» Павла Петровича носит лишь внешний характер, не затрагивая глубинных основ его личности; точно так же, как серебряная пепельница в виде лаптя отнюдь не свидетельствует о демократизме его убеждений. Уже немолодым человеком Павел Петрович уезжает за границу, очевидно, намереваясь пробыть там какое-то время, ибо едет для поправления здоровья, но остается на жительство в Дрездене. При этом, поселившись в Европе, он, как замечает автор, «придерживается славянофильских воззрений». ⁵⁹

Декларирование симпатии к Западу еще не делает человека истинным европейцем, показывает Тургенев, особенно если эти симпатии граничат с пренебрежением к собственной стране. В этом плане заслуживает внимания герой романа «Дворянское гнездо» Владимир Паншин, характер изображения которого Тургенев приводит (в одной из своих статей) как пример «объективности» авторской позиции, к чему он всегда стремился. «Я — коренной, неисправимый западник, — замечает Тургенев, — и нисколько этого не скрывал и не скрываю; однако я, несмотря на это, с особенным удовольствием вывел в лице Паншина (в „Дворянском гнезде“) все комические и пошлые стороны западниче-

⁵⁵ Там же. Т. 7. С. 33.

⁵⁶ Там же. С. 19.

⁵⁷ Там же. С. 33.

⁵⁸ Там же. С. 28.

⁵⁹ Там же. С. 186.

ства; я заставил славянофила Лаврецкого „разбить его на всех пунктах”». ⁶⁰

Писатель дает возможность Паншину почти декларативно изложить свои взгляды, за счет чего уже возникает своего рода эффект саморазоблачения героя: «Россия, — говорил он, — отстала от Европы; нужно подогнать ее. Уверяют, что мы молоды, — это вздор; да и притом у нас изобретательности нет; сам Х<омяко>в признается в том, что мы даже мышеловки не выдумали. Следовательно, мы поневоле должны заимствовать у других. Мы больны, говорит Лермонтов, — я согласен с ним; но мы больны оттого, что только наполовину сделались европейцами <...>». ⁶¹ В устах чиновника-карьериста, который меньше всего озабочен судьбами своей страны, эти слова звучат почти цинично. Не случайно Лизу оскорбило «его презрение к России». ⁶² Такое же внутреннее презрение к России испытывает и жена Лаврецкого: «Все ее мысли, чувства вращались около Парижа. Паншин навел разговор на литературу; оказалось, что она, так же как и он, читала одни французские книжки <...>». ⁶³ Характерно, что это за круг чтения: «Жорж-Санд приводила ее в негодование, Бальзака она уважала, хоть он ее утомлял, в Сю и Скрибе видела великих сердецедцев, обожала Дюма и Феваля; в душе она им всем предпочитала Поль де Кока, но, разумеется, даже имени его не упомянула». ⁶⁴ Самая приятная для нее роль — это роль «настоящей, заграничной львицы». ⁶⁵

Даже учеба за границей не всегда определяет уровень образованности человека и его внутреннего развития. Так, в эпилоге романа «Отцы и дети» Тургенев иронически упоминает о том, что Кукшина «теперь в Гейдельберге и изучает уже не естественные науки, но архитектуру, в которой, по ее словам, она открыла новые законы». ⁶⁶ Кстати, и о русских студентах (физиках и химиках), обучающихся в этот период (1860-е годы) в известном немецком университете, писатель говорит скептически, поскольку сначала они удивляют немецких профессоров «своим трезвым взглядом на вещи», а впоследствии «удивляют тех же самых профессоров своим совершенным бездействием и абсолютною ленью». ⁶⁷

Наиболее критическое изображение русских за границей возникает в романе «Дым». Уже в самом начале произведения Тургенев рисует обобщенный портрет русских, отдыхающих в Баден-Бадене, и подчеркнуто дистанцируется, как он замечает, от «наших любезных соотечественников и соотечественниц». ⁶⁸ Откровенно сатирически нарисо-

⁶⁰ Тургенев И. С. Литературные и житейские воспоминания // Там же. Т. 11. С. 88.

⁶¹ Там же. Т. 6. С. 100–101.

⁶² Там же. С. 103.

⁶³ Там же. С. 132.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. Т. 7. С. 187.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 250.

ван портрет высокопоставленных русских военных, отдыхающих в Баден-Бадене. Их консерватизм близок мракобесию (неприятие реформ, прежде всего крестьянской), а презрение к своему народу граничит едва ли не с презрением к собственной стране. При этом и Европа остается им внутренне абсолютно чуждой и непонятной.

В то же время именно среди персонажей романа «Дым» есть герой, которого писатель изображает убежденным, последовательным идеологом западничества, — Созонт Иванович Потугин. «Тургеневу удалось, — пишет Н. П. Генералова, — возродить в монологах „русского философа“ целую традицию русской мысли, ведущую свое начало, может быть, от Чаадаева».⁶⁹ Потугин развернуто излагает свои убеждения в разговоре с Литвиновым. Его монолог занимает, по сути, целую главу, и Тургенев как будто намеренно дает ему возможность высказаться, ибо подобный способ характеристики персонажа в целом не свойственен его художественной манере.

«...Я западник, — поясняет Потугин, — я предан Европе; то есть, говоря точнее, я предан образованности, той самой образованности, над которою так мило у нас теперь потешаются, — цивилизации <...>».⁷⁰ Тургенев сошлется на эти слова Потугина в статье «По поводу „Отцов и детей“», подчеркивая их близость своим убеждениям. Говоря об условиях подлинного творчества, писатель замечает: «...нужна правдивость, правдивость неумолимая в отношении к собственным ощущениям; нужна свобода, полная свобода воззрений и понятий, и, наконец, нужна образованность, нужно знание! „А! понимаем! видим, куда вы гнете! — воскликнут здесь, пожалуй, многие. — Потугинские идеи — ци-ви-ли-зация, prenez mon ours!“».⁷¹

Тем не менее уже современники упрекали Тургенева в том, что позиция Потугина остается непроясненной. Прочитав в этой связи Н. Н. Страхова: «Казалось бы, за эту смелую и открытую речью немедленно должно было последовать хотя какое-нибудь указание на предметы, перед которыми преклоняется Потугин. <...> Ничуть не бывало».⁷² Это был упрек и собственно эстетического, и идеологического характера. Действительно, Потугин не столько излагает некую позитивную программу, сколько заявляет — с позиции своих представлений о цивилизации — об ее отсутствии в собственной стране. Едва ли не главный порок русского национального сознания, имеющий социально-исторические истоки, Потугин видит в неразвитости чувства внутренней свободы, что обнаруживается уже у истоков формирования нации и существует как своего рода генетический код. «...Самый первый исторический поступок нашего племени — призвание себе

⁶⁹ Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 563.

⁷⁰ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 275.

⁷¹ Там же. Т. 11. С. 94.

⁷² Страхов Н. Н. Дым // Страхов Н. Н. Литературная критика. Сб. ст. / Вступит. ст. и сост. Н. Н. Скатова, коммент. В. А. Котельникова. СПб., 2000. С. 230.

князей из-за моря, — говорит он, — есть уже неправильность, ненормальность, которая повторяется на каждом из нас до сих пор <...>».⁷³ Ведущей при этом для Потугина оказывается не идея подавляющего влияния Запада, а готовность русских к порабощению. Естественно, что крепостное право он рассматривает в том же ряду событий национальной истории, причем, акцент сделан им не на крестьянстве, а на дворянстве.

«Правительство освободило нас, — рассуждает Потугин, — от крепостной зависимости, спасибо ему; но привычки рабства слишком глубоко в нас внедрились; нескоро мы от них отделаемся. Нам во всем и всюду нужен барин <...>».⁷⁴ Он имеет в виду не только область социальных отношений, но и сферу идей, ситуацию, когда «какое-нибудь так называемое направление над нами власть возымеет». «...Теперь, например, — заключает Потугин, — мы все к естественным наукам в кабалу записались...».⁷⁵

Говоря о необходимости приобщения к достижениям европейской цивилизации, Потугин подразумевает не буквальное перенесение чужих идей на русскую почву, а творческое усвоение их. «Кто же вас заставляет перенимать зря? — возражает он Литвинову. — Ведь вы чужое берете не потому, что оно чужое, а потому, что оно вам пригодно: стало быть, вы соображаете, вы выбираете».⁷⁶ В качестве же общепринятых западных ценностей Потугин называет «свободу и порядок»⁷⁷ и рассматривает как достижения цивилизации «знание, искусство и право».⁷⁸ Закономерно, что литературная критика западной ориентации сочувственно восприняла этого героя. В самой художественной специфике этого персонажа: второстепенности его сюжетной роли, тезисном характере изложения его программной идеи, — П. В. Анненков увидел особый «художнический» «инстинкт»⁷⁹ автора романа.

Комментируя разговор Потугина с Литвиновым, Анненков уточняет, что Потугин «говорит не о той Европе, которой мы подражаем, а о той, которую мало видим и почти не знаем».⁸⁰ И, поясняя свою мысль, пишет: «Боже мой! Какая же это малоизвестная нам Европа, нам, исколесившим ее во всех направлениях и изучившим ее более своей родины? Да вот та самая, на которую автор романа только и указывает своим читателям через посредство Потугина. Отличие ее от видимой нами Европы состоит в том, что посреди множества отрицательных, часто возмутительных явлений своего быта, иногда под гнетом грубого

⁷³ ПССиП(2). Соч. Т. 7. С. 274.

⁷⁴ Там же. С. 271.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 273.

⁷⁷ Там же. С. 275.

⁷⁸ Там же. С. 329.

⁷⁹ Анненков П. В. Русская современная история в романе И. С. Тургенева «Дым» // Анненков П. В. Критические очерки / Сост., подготовка текста, вступит. ст. и примеч. И. Н. Сухих. СПб., 2000. С. 330.

⁸⁰ Там же. С. 337.

давления материальной силы, еще далеко не устраненной ею, иногда в пылу национальных увлечений, подвигающих ее на вопиющие несправедливости, — она занята устройством человеческой личности, ближайшей среды, ее окружающей, и возвышением духовной природы человека вообще».⁸¹

Эта идея, действительно, была для русских европейцев главным завоеванием западной культуры. И все же Потугин, скорее, резонер — мы не видим его европеизма «в действии». Конечно, необходимо учитывать, что «жизнь европейского просвещения девятнадцатого века, — как писал И. В. Киреевский, — не имела на Россию того влияния, какое она имела на другие государства Европы».⁸² «Изменения и развития сей жизни, — уточняет философ, — отзывались у нас в образе мыслей некоторых людей образованных, отражались в некоторых оттенках нашей литературы, но далее не проникали».⁸³

И. С. Тургенев явно искал героя, который мог бы быть подлинно русским европейцем. Надо сказать, что это вообще был один из искомым идеалов личности, понять и воссоздать который стремились как русская литература, так и русская наука, религиозная философия, общественная мысль, и Тургенев художественно осмыслил эту важную тенденцию развития отечественной культуры.

---

⁸¹ Там же. С. 337–338.

⁸² *Киреевский И. В.* Девятнадцатый век. С. 70.

⁸³ Там же.